

Ты вечности заложник / У времени в плену.

Борис Пастернак

Эти строки Б. Пастернака, как представляется мне, можно отнести к герою моего повествования и его товарищам, мечтавшим воплотить в жизнь идеалы добра и справедливости, но вышедшим слишком рано, «до звезды». У А. Кушнера: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают. /.../ Время — кожа, а не платье. / Глубока его печать. / Словно с пальцев отпечатки, / С нас — его черты и складки, / Приглядевшись, можно взять». Начиная рассказ о моём дедe, Макарове Фёдоре Дмитриевиче (1892–1967), оказавшемся в самой гуще событий рубежа веков, я не ставлю цель дать их оценку. Пусть это сделает читатель. Моя задача — показать на судьбе отдельного человека письма времени, его «черты и складки». К сожалению, несмотря на настоятельные просьбы написать воспоминания о своём жизненном пути, дед решил заняться этим лишь в последний год своей жизни. К этому делу он отнёсся очень серьёзно, работая в библиотеках со всей доступной литературой о том времени. Но это и стало основным

препятствием в написании. По его словам, порой казалось, что он участвовал в каких-то других событиях и его окружали совсем другие люди. Говорят, история — дочь времени. Хорошо, что многие из его соратников по революции были уже реабилитированы, и их имена можно было упоминать, но правдивая история тех лет ещё ждёт своего написания. Оставшиеся наброски воспоминаний деда были переданы в Военно-Морской музей, где я ознакомился с ними и далее привожу некоторые отрывки.

Революционный балтийский матрос стал некой легендой кинематографа: бескозырка, бушлат и тельняшка, перекрещенные на груди пулемётные ленты, огромный маузер за поясом. Беспощаден к врагам, честен и справедлив, всегда за бедных, против богатых. Под этой красивой легендой лежит огромный пласт реальных исторических событий. Волей обстоятельств в условиях войны весной 1917 г. матросы Балтики оказались единственной организованной вооружённой силой в столичном Петрограде. Армия сражалась на фронтах, а кадровый состав Балтийского флота остался на своих базах, охраняя столицу от врага. В дни февраля за поддержкой именно к матросам обращался рвавшийся к власти масонский Петроградский Совет. Перед ними заискивало Временное правительство, политика которого привела к полному развалу регулярной армии. Именно отряды матросов обеспечили захват власти большевиками. Историческое «Караул устал!», сказанное балтийским матросом Железняковым, поставило точку в истории Российской Республики.

Так как основные силы Балтийского флота находились в Гельсингфорсе и Кронштадте, в событиях 1917 года определяющей была роль 2-го Балтийского флотского экипажа, расквартированного в центре Петрограда. Председателем судового комитета экипажа 1 марта 1917 г. был избран мой дед. Поэтому его воспоминания, очевидца и активного участника тех событий, представляют несомненный интерес.

Чтобы очертить жизненный путь деда, кадрового морского офицера, я буду следовать пунктам выписок из его анкетного листа, далее — **АЛ** и военного билета — **ВБ**. Сведения почти о всех упомянутых в тексте личностях можно найти в Интернете в Википедии.

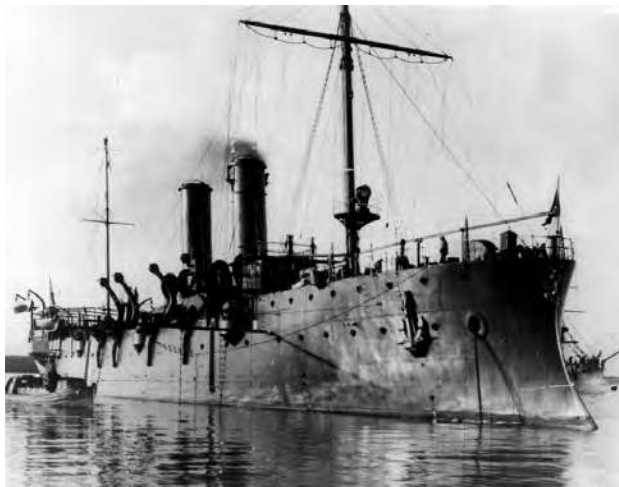
Макаров Фёдор
Дмитриевич, 1914 год

А. Л.: Макаров Фёдор Дмитриевич родился 21 февраля 1892 в дер. Патракейка Комаровской волости Кинешмского уезда Комаровской волости. Из крестьян. Занятие семьи — хлебопашество. Имущество — изба, двор, сарай, земли на 1,5 души.

По рассказам деда, жили бедно, еда — в основном хлеб и овощи с огорода, лакомством для детей весной были молодые побеги сосны. Поэтому жители деревень уходили работать на ткацкие фабрики Кинешмы и Иванова. Первым из семьи подался на фабрику «Томна» в Кинешме старший брат деда, четырнадцатилетний Аристарх Макаров (1881–1932). Забегая вперёд, скажу, что в будущем он стал крупным партийным и государственным деятелем. Его именем будут названы улицы в Кронштадте и Кинешме, а в Кинешме поставлен памятник. Начальное образование деда — сельская школа. В 1913 г. он был призван в армию [1].

А. Л.: 1913–1914 — 1-й Балтийский экипаж и минный заградитель «Енисей». 1915–1916 — Электроминная школа, выпущен в звании унтер-офицера II степени. 1916–1917 — на Балтийском флоте.

О судьбе минного заградителя «Енисей» историк русского флота капитан Граф Г.К. в книге [2], изданной в эмиграции, писал: «В начале 1915 года “Енисей” принял активное участие в постановке мин в районе Даго. 22 мая 1915 года шедший со скоростью 12 узлов “Енисей” был торпедирован германской подводной лодкой U-26. Взрыв произошёл под средней частью корабля, и за-

Минный заградитель «Енисей»

Памятная доска в Никольском Морском Соборе г. Кронштадта

градитель сразу лёг на правый борт. Так как поблизости в этот момент никого не было, а вода была ещё очень холодная, то спаслось всего 19 матросов, а из офицеров — один лишь старший механик, все же остальные — около трёхсот человек — погибли». По рассказам очевидцев, когда «Енисей» погружался в воду, все погибавшие пели гимн, а командир, капитан 1-го ранга Прохоров, стоял на мостике, отказавшись принять меры к спасению. По рассказам деда, оказавшегося в числе спасшихся, он попал в разлив машинного масла с тонущего корабля, и это помогло ему не окоченеть в холодной воде. Судьба его хранила.

В официальных документах советского времени было не принято писать о службе в царской армии и полученных наградах. Единственно, что я могу вспомнить, — это рассказ о параде в Царском Селе. В 1947 г. мы семьёй поехали в туда посмотреть, что уцелело в войну. Запомнилось закопчённое, с пустыми глазницами окон, обгоревшее здание дворца. Дед, немного изменившись в лице от увиденного, рассказал, что здесь они стояли в парадном смотре перед Императором, который каждого пожаловал памятным серебряным рублём.

После гибели «Енисея» — Электроминная школа в Кронштадте. Это время усиленного самообразования. По рассказам деда, он, где только мог, доставал книги известного русский библиографа и энциклопедиста, Н.А. Рубакина, посвящённые самым различным отраслям знаний. Здесь он вновь встретился со старшим братом Аристархом. Эта встреча практически определила дальнейшую судьбу деда.

Аристарх Макаров, подростком ушедший работать на ткацкую фабрику, сблизился там с революционно настроенными рабочими, стал посещать нелегальный социал-демократический кружок [3]. В 1905 года он вступил в Кинешемскую группу Костромского комитета РСДРП, был членом исполнительного бюро, выборщиком во 2-ю и 3-ю Государственные думы от костромских рабочих. Участвовал в Совете рабочих депутатов в Кинешме, второго из Советов, возникших в России после Иваново-Вознесенского. По приказу костромского губернатора Совет был разгромлен. Было арестовано около 70 человек, в их числе и А. Макаров. Наступила черед заключений и ссылок, перемежаемая активным участием в революционной деятельности. В ссылке он знакомится с К.Е. Ворошиловым, Е. Скороходовой и другими партийцами. Став профессиональным революционером, Аристарх Макаров ведёт подпольную работу в Костроме, Иванове, Шуе.

В 1915 году он был мобилизован в армию и направлен в Выборг, где начинает вести пропагандистскую работу среди солдат.

При встрече братья сфотографировались на память. Фотография чудом сохранилась, т. к. все семейные фотоархивы пропали в блокаду. К сожалению, точной даты, когда была сделана фотография, неизвестно.

С этой встречи начинается революционная деятельность деда.

Из его воспоминаний: «В 1916 году, после окончания учебного минного отряда группы матросов, сдавших на звание старшин (унтер-офицеров), направили в Гельсинфорс в группу минных судов. Там

я встретил питерского рабочего тов. Овсянникова, знакомого мне по Кронштадту. Он предложил мне организовать летучую библиотеку запрещённой литературы.

Место для покупки книг имелось, но не было денег для их приобретения. Мне пришлось продать брюки и на вырученные деньги купить книги в магазине на улице Эспланада. Мы обращались к знакомому продавцу (финну) за книгами “Рубакина”. Он закрывал нас в комнату, где находились книги, сохранившиеся с 1905 года. Мы выбирали книги, и он называл цену. Книги распространялись среди матросов и передавались ими друг другу. Знакомство с такой литературой оказывало определённое влияние на матросов. Однажды произошёл такой случай: фельдфебель площадными словами выругал караульного начальника, унтер-офицера Тарабанова. Тогда Тарабанов вытащил штык, направил на фельдфебеля и говорит: “Я в карауле Его Императорского Величества стою, а ты меня б... называешь. Заколю и отвечать не буду!”. Фельдфебель испугался, убежал в каюту и заперся. Боцман испугался ещё больше, стучит в каюту, кричит: “Зарежут, сукины дети!”. Несмотря на такое чрезвычайное про-

Аристарх (слева)
и Фёдор Макаровы

исшествие, никакого дела против Тарабанова не было поднято, и лишь через две недели его отправили на фронт. Можно привести много примеров, которые показывали ослабление дисциплины и рост настроений против существовавших на флоте порядков, против палочной дисциплины, против самодержавия.

В сентябре 1916 года группу унтер-офицеров и матросов отправили в Петроград на новые эсминцы “Капитан Белли” и “Миклухо-Маклай”, которые достраивались на Путиловской верфи. Я тоже был в этой группе. Поместили нас во 2-ом Балтийском флотском экипаже. Тесное общение с рабочими верфи сильно повлияло на взгляды и настроения матросов. Поэтому команда эсминцев после Февральской революции поддержала соц.-дем. партию большевиков. Но это было после, а в октябре 1916 года меня назначили нач. караула в Окружной Военно-морской суд на процесс 20-ти. Они были арестованы осенью в Кронштадте. Приведу некоторые фамилии, которые сохранились в моей памяти: Сладков из артиллерийского отряда, Ульяновцев, бюст которого установлен в Военно-морском музее, Марусев, матрос (Все названные в будущем известные партийные деятели. — В. М.). Во время процесса было разрешено один раз навестить арестованных. Навещала группа рабочих с Выборгской стороны. Меня стали приглашать на культурные мероприятия, устраиваемые рабочими. Здесь я ощутил такую теплоту и внимание, что был готов сделать всё, что бы мне ни поручили. Здесь я впервые слышал выступления Горького и Куприна. Рабочие выступали с декламацией стихотворений Горького и Пушкина. Меня провели за кулисы и познакомили с Горьким и Куприным. Воспоминание об этом осталось на всю жизнь....

Между тем, процесс продолжался. В течение недели прокурор выступил четыре раза. Говорил о преступной деятельности матросов, о подрыве государственной власти, о государственной измене и требовал для всех смертной казни. В это время на заводах начались забастовки в поддержку матросов, что заставило суд вынести более мягкое решение: Ульяновцеву — 8 лет каторжных работ, остальным — по несколько лет тюрьмы.

Накануне Февральской революции командующим 2-м Балтийским экипажем был немец генерал Гирс. В течение трёх дней матросов никуда не выпускали, и что творилось в городе, мы не знали. Начальство сообщало, что имеют место небольшие беспорядки, вызванные отдельными личностями, которые предъявляют незаконные требования. Не веря официальным сообщениям, мы решили начать агитацию среди вооружённых нарядов

молодых матросов, чтобы они не стреляли в рабочих, которые вышли требовать хлеба и хотят провести революцию. Наша агитация была несовершенна, мы стращали их, что если они будут стрелять, то за такой позор их будут бить старые матросы. Эти беседы не прошли даром: когда рабочие подошли к воротам экипажа, наряд побросал оружие и отказался стрелять.

Мы получили распоряжение захватить оружие, имевшееся на складах экипажа, и присоединиться к восставшим. Нас направили в Мариинский дворец, где мы обнаружили только одного генерала, который так испугался, что спрятался под столом. После допроса его отпустили.

Утром 26 февраля группа вооружённых матросов направилась к штабу Петроградского военного округа. Придя туда, выяснили, что штаб перебрался в Адмиралтейство, куда стягивает войска, верные самодержавию. По прибывающим казакам нами был открыт огонь, и они повернули в ворота напротив Медного Всадника. Из окон Адмиралтейства по нам в ответ был открыт пулемётный огонь. Несколько человек было убито и ранено. Лишь к вечеру после прихода подкрепления штаб округа сдался и был разоружён. 27 февраля я был послан в Выборгские казармы для агитации среди солдат и распространения газеты «Правда» с Манифестом ко всем гражданам России. Солдаты всячески помогли мне в этом. После этого я примкнул к группе матросов и солдат, охотившихся за скрывавшимися полицейскими. Их местонахождение указывали местные жители. Не оказывавших сопротивление мы разоружали, а сопротивлявшихся — уничтожали.

29 февраля мы вернулись в экипаж и узнали, что генерал Гирс собрал оставшихся матросов и пригнал их строем в Таврический дворец, где заявил, что 2-й Балтийский экипаж прибыл в полное распоряжения временного Комитета Государственной Думы. Этот поступок был отмечен там как патриотический, и Гирс был оставлен начальником экипажа. Но этого не хотело большинство матросов. В ночь на 1 марта Гирс и его помощник подполковник Павлов, чьи квартиры были при экипаже, были выведены и расстреляны у Крюкова канала. Командиром экипажа был выбран прапорщик (фамилию не помню).

На основании приказа Петроградского Совета рабочих солдатских депутатов был выбран судовой комитет. Его председателем был избран я».

В этом небольшом отрывке воспоминаний речь идёт об одном из самых ужасных по своим последствиям эпизоде первых недель

Февральской революции. Капитан 1 ранга Г.К. Граф (см. ссылку выше) напишет:

«Кронштадт прогремел на всю Россию. Можно бы написать целую книгу относительно этой революционной вакханалии, к прекращению которой Временное правительство боялось принять должные меры. Вся психология этой эпопеи носила грубый, варварский, настоящий революционный характер. Ничего идейного в ней не было: было только стремление разрушить, уничтожить дотла всё, что создано веками, стремление удовлетворить свои животные инстинкты. Вот в какой обстановке узурпаторы власти готовили тип нового матроса, своего верного клеветы, который должен был сыграть решающую роль по “углублению революции”... События в Кронштадте не имели никакой связи с общим течением революционного движения: достаточно было первого толчка — известия о свержении старой власти — и Кронштадт оказался во власти разнузданной толпы, которая, не прикрываясь даже никакими революционными лозунгами, приступила к убийствам и грабежам. Даже теперь трудно установить детали кронштадтских кровавых событий, т. к. большая часть представителей власти и порядка была зверски убита, революционные же деятели впоследствии многое скрывали и замалчивали... Случайно уцелевшие были заключены по тюрьмам. Затем образовалась власть черни, власть подонков общества...»

Жертвами этих событий стал командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин и практически весь командный офицерский состав судов, базировавшихся в Кронштадте и Гельсингфорсе. По воспоминаниям очевидца — штабс-капитана Н.М. Таранцева — убийство Непенина произошло следующим образом: «Когда большая толпа матросов, частью пьяных — после ночных убийств — в большинстве с “Императора Павла I” пришла требовать, чтобы Командующий флотом отправился с ними на митинг ... адмирал Непенин решил идти, опасаясь худшего. Сопровождать его пошли флаг-офицер Тирбах и инженер-механик ... Куремиров. Оба лейтенанты. Когда толпа, во главе которой шёл адмирал, только миновала ворота, матросы подхватили под руки Тирбаха и Куремирова и отбросили их прочь в снег за низенький чугунный заборчик. Непенин остановился, вынул золотой портсигар, закурил, повернувшись лицом к толпе и, глядя на неё, произнёс как всегда, негромким голосом: “Кончайте же ваше грязное дело!” Никто не шевельнулся. Но когда он опять пошёл, ему выстрелили в спину. И он упал. Тотчас же к телу бросился штатский и стал шарить в карманах. В толпе раздался крик “шпи-

он!». Тут же ждал расхлябанный, серый грузовик. Тело покойного сейчас же было отвезено в морг. Там оно было поставлено на ноги, подперто брёвнами, и в рот была воткнута трубка».

Подобный зверский характер имели и другие самосуды над офицерами и городовыми.

Конечно, происшедшее с ещё вчера законопослушными матросами не было случайностью. Причины возмущения матросов в марте 1917 г. имели сложный характер. В основе протестных настроений лежали причины социального характера. Рабочая прослойка среди матросов задавала тон в кубриках. Однако общий фон протестных настроений дополнялся другим фактором психологического свойства. Из книги [4] известного революционного деятеля, активного участника тех событий, Ф.Ф. Раскольников: «Кронштадт, по сути дела, был тюрьмой. Уже один внешний вид города производит мрачное, угнетающее впечатление. Это какая-то сплошная, убийственно однообразная казарма. Когда начальство списывало матросов с кораблей и отправляло их в Кронштадт, то они рассматривали это назначение как самое тяжкое административное наказание». Команды кораблей, расквартированных в Кронштадте и Гельсингфорсе, не участвовали в боевых действиях, и матросы изнывали от муштры. Да и гарнизон зачастую пополнялся списанными с кораблей за непригодность преступными элементами.

Подробный анализ событий тех лет сделан в прекрасной книге историка-мариниста В. Шигина «Матросская революция» [5]. Интересным дополнением может служить, хотя во многом тенденциозная и неточная, книга воспоминаний участника революции Ховрина Н.А. [6].

Недавно историками были обнаружены в архивах медицинские документы Покровской больницы тех лет. В журнале регистрации поступивших в больницу запись: Гирс, ни имени, ни отчества, огнестрельная рана мозга. Генерал-майор. Место погребения неизвестно.

Характер этих событий во многом определит в будущем беспощадную взаимную жестокость Гражданской войны.

Согласно записям в анкетном листе, в марте 1917 г. дед вступает в РСДРП. В составе отряда моряков 3 апреля участвует во встрече В.И. Ленина на Финляндском вокзале. Слушает его речь с броневедомобиля и сопровождает до дворца Кшесинской. Присутствует на выступлениях Ленина на Всероссийской конференции большевиков и на апрельских митингах рабочих Адмиралтейского и Путиловского заводов. Последнее предреволюционное

Владислав	28 ⁰⁰	Владислав Владимирович	Петроградский	Владислав Владимирович
Александр Александрович	28 ⁰⁰	Александр Александрович	Петроградский	Александр Александрович
Александр Владимирович из Петроградского уезда	2 ⁰⁰	Александр Владимирович	Петроградский	Александр Владимирович
Пётр	28 ⁰⁰	Пётр Владимирович	Петроградский	Пётр Владимирович
Михаил Иванович	17 ⁰⁰	Михаил Иванович	Петроградский	Михаил Иванович
Михаил Иванович	17 ⁰⁰	Михаил Иванович	Петроградский	Михаил Иванович
Михаил Иванович	4 ⁰⁰	Михаил Иванович	Петроградский	Михаил Иванович
Анастасий Курбан	28 ⁰⁰	Анастасий Курбан	Петроградский	Анастасий Курбан

Записи из Покровской больницы

событие в жизни деда — участие в составе отряда кронштадтских моряков под командованием Ф. Раскольникова в июльской демонстрации в Петрограде. Об этих событиях есть записи в А. Л. деда.

Со школьных лет нам известна фотография Виктор Буллы «Картина расстрела демонстрации на углу Садовой улицы и Невского проспекта». Именно там дед получил единственное и довольно серьёзное ранение в своей жизни. Кто стрелял и откуда, до сих пор неизвестно. Есть только догадки и версии [7]. Поэтому для деда лето 1917 года прошло за лечением в госпитале, а осенью грянул октябрьский переворот.

В. Б.: Участие в Октябрьской революции

1. В октябре 1917 г. В составе сводного Морского отряда против Временного правительства под Петроградом.
2. Участвовал во взятии Зимнего Дворца
3. Руководил отрядом при взятии телефонной станции.

В первом пункте речь идёт о так называемом гатчинском фронте. В октябре 1917 г. Гатчина стала местом, где развернулись события общероссийского масштаба. Длилось это около недели, примерно с 26 октября по 1–2 ноября. В те дни, как писал генерал А.И. Деникин, «Гатчина — единственный центр активной борьбы: Петроград агонизирует, Ставка бессильна, Псков (штаб Черемисова) стал явно на сторону большевиков... В Гатчине собрались все» [8]. Питерский меньшевик Н.Н. Суханов писал более образно: «Гатчине предстояло стать Ватерлоо для А.Ф. Керенского» [9].

В советской исторической науке это явление называлось «гатчинский фронт», «первый фронт совсем ещё молодой Советской страны», «первый фронт, где люди сражались за Советскую власть».

В ночь с 29 на 30 октября произошёл захват Гатчинского дворца матросами отряда П. Дыбенко, в котором принимал участие дед. Местный гарнизон не проявлял признаков жизни. По воспоминаниям лётчика П. Нестеренко [10] «...многие офицеры старались уйти, хотя бы на несколько вёрст от города...». О Дыбенко вспоминает генерал П.Н. Краснов [11]: «...громадного роста красавец-мужчина, с вьющимися чёрными кудрями, чёрными усами и юной бородкой, с большими томными глазами, белолицый, румяный, заразительно весёлый, сверкающий белыми зубами, с готовой шуткой на смеющемся рте, физически силач, позирующий на благородство, он очаровал в несколько минут не только казаков, но и многих офицеров.

— Давайте нам Керенского, а мы вам Ленина предоставим, хотите ухо на ухо поменяем! — говорил он, смеясь».

1 ноября в Гатчину приехали народный комиссар по военным делам В.А. Антонов-Овсеенко и назначенный комиссаром Гатчины С.Г. Рощаль. Они сохранили хрупкое равновесие сил в городе, предлагая различные решения для выхода из сложившейся ситуации. Вызванные Керенским с фронта воинские части в Гатчину так и не дошли. И, как свидетельствовал Краснов, «...было ясно, что перемирие полетело к чёрту, и всё погибло. Мы в плену

Сводный морской отряд под руководством П. Дыбенко, прибывший в Гатчину.

у большевиков» [11]. На этом «гатчинский фронт» без сражений закончил своё существование.

О взятии Зимнего Дворца дед рассказал, когда мы поднимались по Иорданской лестнице Эрмитажа, выходящей на Неву. К моему разочарованию, штурм со стороны Дворцовой площади, так ярко представленного кинематографом, по его словам, не было. Были переговоры с отрядами, охранявшими дворец, ряды его защитников постепенно таяли, и само взятие было бескровным. Именно по этой лестнице они вошли в практически опустевший дворец и предприняли все меры, чтобы не допустить мародёрства.

Взятие телефонной станции с дежурившими там «телефонными барышнями» выглядело более ярко. Чтобы испугать охрану и принудить её сдать без боя, было решено подвезти к зданию станции пушку. В качестве тягловой силы использовали трамвай. Этой своей идеей дед очень гордился. В Интернете нашлась фотография «революционного трамвая». При виде пушки охрана станции разбежалась.

Революционный трамвай.
Петроград, 1917 г.

Последним примечательным событием того года была поездка отряда балтийских моряков под началом Ф. Раскольникова, хорошего знакомого деда по июльской демонстрации и работе в Кронштадте, в Москву для подавления мятежа юнкеров [4]. Отряд к боям опоздал, и самым ярким событием оказалось размещение на территории женского монастыря.

Дед говорил, что их очень удивило, что «освобождённые от ненавистного гнёта» монахини со слезами покидали свою обитель.

Анализируя дальнейший ход событий, можно заключить, что тогда на Балтийском флоте сформировался устойчивый костяк будущих военных руководителей страны, спаянных совместной борьбой за власть, верных общему делу и доверяющих друг другу. Поэтому именно этих людей впоследствии непрерывно перебрасывали из одной «горячей точки» в другую. Долгие годы балтийцы хранили верность традициям морской дружбы, даже если порой оказывались по разные стороны баррикад.

Продолжение следует.